

ДЕТЕКТИВ на даче

Татьяна **УСТИНОВА**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

Наталья **АЛЕКСАНДРОВА**

и другие :-)

Татьяна Александровна Бочарова
Ольга Баскова
Ирина Грин
Татьяна Витальевна Устинова
Елена Ивановна Логунова
Наталья Николаевна Александрова
Евгения Михайлова
Детектив на даче
Серия «Великолепные
детективные истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67856004

Детектив на даче: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-171231-0

Аннотация

Дача – от одного этого слова веет покоем и умиротворением. Что может быть приятнее жарким летним днем, чем уехать из душного города в уютный деревянный домик на лоне природы? Герои остросюжетных рассказов Татьяны Устиновой, Евгении Михайловой, Натальи Александровой и других популярных писателей так и делают. Однако иногда отдых может

пойти совсем не по плану. Его разнообразят увлекательные события и загадочные происшествия, требующие немедленного расследования!

Содержание

Ирина Грин	6
Евгения Михайлова	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Детектив на даче

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Ирина Грин

Дачный дедлайн

Макс стащил с головы наушники – и мозг мгновенно атаковал грохот отбойного молотка, начисто заглушавший все звуки окружающего мира. И как, скажите на милость, работать в таких условиях? Конечно, добротные наушники с огромными амбушюрами спасают от этого кошмара, но сидеть в них десять – двенадцать часов кряду – сомнительное (да и вредное) удовольствие. Без них же голова отказывается функционировать в заданном направлении.

А ведь на сегодняшний день у Макса были очень большие планы. Но, к сожалению, они шли вразрез с планами соседа, который решил совместить работу на удаленке и капитальный ремонт. Удаленка эта, будь она неладна! А ведь поначалу казалась огромным куском счастья, внезапно обрушившимся на голову. Разве мог Макс когда-нибудь предположить, что в один прекрасный момент не нужно будет в любую погоду, даже самую мерзкую, тащиться на работу, толкаться в метро, где, стоит только ступить на эскалатор, перманентно наступает час пик.

Нет, конечно, можно ездить на машине – вон она стоит под окном, симпатяга. Но, во-первых, из-за пробок придется выходить из дома гораздо раньше, а во-вторых, попробуй

найди место для парковки в центре, где руководству взбрело в голову приобрести офис! Нет, разумеется, можно, но за рабочий день придется отвалить нехилую сумму, а к этому Макс был морально не готов, хотя зарплата разработчика вполне позволяла.

Он копил деньги на мечту. Мечта эта не была конкретной, а, скорее, эфемерной, призрачной. Что-то вроде довольно продолжительной – месяц, два – жизни в каком-то райском месте. Теплом, светлом, преисполненном любви, гармонии и счастья. Спать в гамаке под пальмами, есть собственноручно сорванные с дерева фрукты, пить обжигающий кофе... Где находится это место, Макс не задумывался. Просто, до поры до времени, жил, мечтал и собирал деньги. По прикидкам оставалось где-то годика два поработать, а потом можно увольняться – такой длинный отпуск начальство вряд ли одобрит – и собирать чемодан.

И что стоит ради такой мечты потолкаться полчасика в вагоне метро? Да ровным счетом ничего. Вот только из-за пандемии и вытекающей из нее удаленной работы Макс начал сомневаться в собственных прогнозах. Он заметил, что эффективность его работы снизилась. Плохо то, что заметил это не только он, но и начальство. Не далее как в понедельник Макс имел разговор с Игорем, менеджером проекта. Не сказать, чтобы особо неприятный, скорее нейтральный такой разговорчик. Вроде как не с чего начальству быть недовольным – работа идет. Конечно, не так, как в их густона-

селенном опенспейсе без перегородок, именуемом в народе конюшней. Там, кстати, особой тишины тоже не наблюдается. Кто-то свистящим шепотом пытается поговорить по телефону, кто-то хлопает дверцей холодильника с вкусняшками. Периодически стартуют установленные по всему периметру кофемашины, запах свежесваренного кофе раздражает рецепторы, требуя немедленно выпить чашечку, а заодно пройтись. Но работа идет, движется, стены офиса, несмотря на бьющую ключом законную жизнь, помогают и дисциплинируют. А дома...

К понедельнику, кровь из носа, работу нужно закончить. По большому счету, осталось всего-ничего: отрефакторить уже имеющийся код – это раз, подправить архитектуру – это два... Короче, два... Ну, три дня. В запасе неделя, то есть в два раза больше. Если послать к чертям соседа с его отбойным молотком, а с ним и весь мир, вполне можно порадовать начальство строгим выполнением графика. Порадовать? Внезапно Макс прямо-таки физически почувствовал, как уверенность в своих силах медленно вытекает из него, словно песок из часов. Он даже слышал шорох песчинок, хотя, может быть, этот звук исходил из соседней квартиры и имел совершенно иное происхождение. Казалось бы, что случится, если к понедельнику он не справится со своим участком работы? Уволят? Точно нет. Разработчиков, подобных ему, не так уж много, разбрасываться ими – себе дороже. Оставят без офисных вкусняшек? Он их и так лишил-

ся благодаря «короне». Урежут, а то и вовсе не дадут премию? Это может быть, хотя тоже не факт. Так что особо переживать вроде бы нечего. И все же кто-то или что-то внутри Макса не давало ему расслабиться и пустить работу на самотек. Чувство собственного достоинства, что ли?

Мобильник на столе вдруг засветился, вздрогнул и медленно пополз к своему хозяину. Макс устало потер виски и тупо уставился на дисплей продолжавшего двигаться смартфона. Мама. Да, мама будет звонить, пока он не возьмет трубку, поэтому лучше ответить.

– На проводе! – рявкнул он. – Слушаю.

– Это я тебя слушаю! – возмущенно заговорила мать. – Между прочим, уже третий раз звоню! У тебя все в порядке?

– В порядке, если не считать того, что я тебя практически не слышу. И что, по-твоему, со мной может случиться? Я уже большой мальчик.

– Большой-то, конечно, да, под два метра вымахал, а ума как-то не понабрался.

– Это твое личное мнение, идущее вразрез с мнением моих работодателей. Они, между прочим, считают, что мои мозги вполне соответствуют росту, – заметил Макс.

– Так это смотря с какой стороны посмотреть. В профессиональном плане ты, может быть, ас, но в бытовых вопросах – полный профан, – парировала мать. – Что, например, ты сегодня ел на обед?

– А что, уже пора обедать? – оторопел Макс.

Вот это да! Три часа! А он всего-то просмотрел ленту в соцсетях, наткнулся на рецензию на новый южнокорейский сериал, который занял первые строчки в рейтингах. Заинтересовался, поискал еще рецензии, удивился их противоречивости и решил составить собственное мнение. Просмотрел пару серий в режиме ускоренного воспроизведения и понял, что ничего не понял, фильм требует более внимательного к себе отношения. О чем Макс и сообщил в посте на своей страничке. После этого несколько раз проверил комменты и лайки, попутно полайкал фотографии знакомых и не очень девчонок, поумилялся котиками – и вот итог: три часа, работа не сдвинулась ни на шаг, а он, Макс, сидит в своем суперэргономичном кресле, словно какой-то олень. Тупой парнокопытный северный олень. Хотя насчет парнокопытного – это неточно. Действительно ли северные олени парнокопытные? Зажав трубку между плечом и подбородком, Макс потянулся, чтобы загуглить заинтересовавшую его тему.

– Может, тебе на дачу поехать? – остановил его вопрос. – Там сейчас хорошо. Зелень, свежий воздух...

На самом деле дом в деревне Сёмёново дачей считался последние пять лет. До этого там жили бабушка и дедушка – папины родители, и Макс каждое лето проводил с ними. А потом дедушка умер, а бабушку родители забрали к себе. Примерно тогда же Макс окончил университет, купил себе (не без помощи родителей, разумеется) однушку и с тех пор в Сёмёново не показывался, лишь изредка вспоминая о вы-

соченных яблонях с подвешенным между ними гамаком. Из него деревья казались лестницами, устремленными в небо.

Почему деревня называлась именно так: Сёмёново, с двумя буквами «ё», – история умалчивала. Никого с такой фамилией в деревенских анналах не значилось. Не деревня, а памятник начисто игнорируемой многими букве.

... – связь там нормальная, интернет есть, – ворвался в воспоминания голос матери. – Если согласен, попрошу тетю Веру, чтобы она прибрала немного к твоему приезду и еды приготовила.

Макс давно вышел из подросткового возраста, но сохранил привычку противоречить любым материнским советам. Тетя Вера, мать огромного семейства, в его понятие рабочей обстановки никаким боком не вписывалась. Да и зачем заморачиваться готовкой, если в любом магазине можно закупиться дошиком – так, без привязки к торговой марке, Макс называл любые продукты быстрого приготовления, которые, стоило их залить кипятком, тут же превращались во вполне съедобную еду. Конечно, это не стейк рибай, но обеспечить необходимую для жизнедеятельности калорийность вполне реально.

– Без тети Веры, – буркнул он.

– То есть, если я правильно поняла, на дачу ты едешь? – Макс прямо-таки увидел, как мама улыбается.

– Ну типа того. – Он кивнул, подтверждая свои слова, хотя знал, что она этого не увидит. Но наверняка почувствует,

точно так же, как он почувствовал ее улыбку.

– Были сборы недолги, – напевал Макс любимую песню деда, набивая багажник всем необходимым. Он знал только одну эту строчку и помнил, что там еще упоминалась Волга. Несколько раз собирался загуглить, чтобы узнать, в чем там дело, но так и не удосужился.

К шести часам Макс уже въезжал в Сёмёново. По его мнению, в особой уборке дом не нуждался. Смахнув густой слой пыли с обеденного стола, он открыл ноутбук, отметился в рабочем журнале и вышел во двор – проверить состояние яблонь и гамака. Они – что с ними сделается – были на месте. Вот только яблони стали поменьше, а гамак, когда Макс в него улегся, показался каким-то тесным, неудобным. Ладно, это потом. Сейчас нужно поесть, выпить кофе и приступить к тому, ради чего он, собственно, сюда и приехал, – к работе. К кофе, неизменному атрибуту офисной жизни и катализатору умственной деятельности, Макс относился гораздо серьезнее, чем к еде, а потому привез с собой гейзерную кофеварку, компактную электрическую кофемолку и запас зерен.

Он подготовил порцию кофе, налил воды, нажал на ручку газовой плиты и замер в недоумении, не услышав привычного треска автоподжига. Газ с шипением вырывался из горелки, но не горел.

– М-да, – только и смог вымолвить Макс.

Тщетно порывшись в кухонных шкафчиках в поисках за-

жигалки или хотя бы спичек, он решился было позвонить матери, но остановился. Чего звонить? Она наверняка направит его все к той же тете Вере, чего Макс категорически не хотелось. Легче прогуляться до магазина, благо, не так уж далеко, даже пешком можно добраться минут за пять.

Если яблони с прошлого приезда уменьшились в размере, то расстояние до магазина, наоборот, увеличилось. Чего удивляться – в детстве Макс все больше передвигался бегом, повзрослев же, набрался солидности. Опять же давал о себе знать сидячий образ жизни. До симпатичного голубого домика с вывеской «Продукт» он добирался целых пятнадцать минут и, хотя шел не так быстро, слегка запыхался. «Нужно будет ходить в магазин каждый день, – решил Макс, поднимаясь по ступенькам на невысокое крыльцо. – Вместо зарядки».

– Здравствуйте, молодой человек! – раздалось у него за спиной.

Макс обернулся. Это была бабулька лет ста с хвостиком.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он.

– Надолго в наши края? – поинтересовалась бабулька и улыбнулась, демонстрируя одинокий клык, торчащий из нижней челюсти. Выглядел зуб настолько устрашающе, что Макс торопливо отвел взгляд. Как бы это разведеть?

– Как получится, – уклончиво ответил он и, толкнув дверь, устремился в спасительный полумрак «Продукта».

– Здравствуйте! – донесся до него мелодичный девичий

голос.

У девушки был не только приятный голос, она и сама оказалась очень симпатичная: большеглазая, с аккуратным маленьким носиком и пухлыми розовыми губами. На подбородке – голубая маска. Ни грамма косметики, белая блузка, застегнутая на все пуговицы, как у банковской служащей, и темно-синяя юбка до колена. Любая другая выглядела бы в подобном луке совсем уж отстойно, но только не она.

Девушка вопросительно смотрела на Макса, а он уже и забыл, зачем, собственно, пришел.

– Леночка, хлеб привезли? – раздался у него за спиной голос все той же однозубой старушки, и Макс мысленно поблагодарил ее за подаренные мгновенья передышки, когда можно собраться с мыслями.

– Машина уже вышла, Александра Степановна, я звонила десять минут назад, – начала оправдываться девушка.

Макс обвел глазами скудный ассортимент, задержал взгляд на витрине с кусками колбасы и сыра неизвестных сортов в вакуумной упаковке и, собравшись с мыслями, спросил:

– Спички есть у вас?

– Да, конечно. – Девушка Леночка положила на прилавок упаковку из десяти коробков. – Пятьдесят рублей. Еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – отозвался Макс и вытащил из кармана банковскую карту, попутно разыскивая глазами терминал.

– Наличными. – Огорчения в голосе Леночки не услышал бы разве что глухой. Хотя, говорят, они отлично улавливают вибрации человеческого голоса, считывая таким образом эмоции.

Макс от налички давно отвык, но какие-то купюры в его кармане определенно присутствовали.

– Вы, молодой человек, поменьше бы карточкам доверяли. – Бабулька была тут как тут. – С ними можно остаться на бобах.

– Ну что вы такое говорите, Александра Степановна! – мягко попеняла Леночка. – Просто хозяин не хочет банку проценты платить за эквайринг.

– И правильно делает! – сурово припечатала бабулька. – Этот ваш ик-варинг может запросто все деньги с карточки раз – и стянуть. Не делай вид, что не знаешь. К нам специально приезжали из банка, рассказывали про мошенников, которые дурят нашего брата. Ходит такой мошенник с переносным терминалом в кармане и у всех, кто рядом стоит, деньги с карт стягивает. А что? Прогулялся в толпе – и можно не работать.

– Это просто фантастика, – сказал Макс, а Александра Степановна покивала:

– Вот и я говорю – фантастика.

– Баб Шур! – В магазин вошла еще одна женщина, помоложе, с большущей сумкой-шопером в руках. В такую весь магазин можно засунуть, еще и место останется. – Ты опять

челюсть забыла надеть! Ходишь, молодежь смущаешь.

Бабулька ахнула, прикрыла рот рукой и поспешно ретировалась, возмущаясь на ходу:

– И нечего командовать, Виктория Егоровна! Ты тут не хозяйка!

Макс выудил из кармана тысячную купюру и положил на прилавок.

– Помельче ничего нет? У меня не будет сдачи. Только что хозяин приходил, кассу снял, – огорчилась Леночка.

Макс пожал плечами.

– Я могу попозже зайти. Хорошо? – Он добавил: – Меня, кстати, Максим зовут.

Получилось как-то совсем некстати.

– Я вам не мешаю, молодые люди? – сурово спросила женщина с шопером. – Лена! Почему обслуживаешь покупателей без маски?

Леночка покраснела, торопливо подняла маску с подбородка на лицо, а Максим, у которого маска, разумеется, была – в бардачке «Соляриса», – смущенно потопал к выходу, не забыв прихватить спички.

Поход в магазин и свежий деревенский воздух вкупе с кофе сотворили чудо. Макс собрал мозги в кучу и смог сдвинуть работу с точки замерзания. Если будет продолжаться такими темпами, глядишь, к понедельнику он справится с задачей. Правда, в гамаке дело не заладилось – уж слишком шумной оказалась деревенская жизнь. Лаяли собаки, дети

тети Веры затеяли шумную возню, периодически принимался долбить дерево какой-то настырный дятел. Причем нет чтобы долбить в такт Максовой мысли – нет же, все поперек да поперек. Маленькие, с оливку – или с маслину, кто там из них зеленый? – яблочки над головой напоминали о других деревьях, из мечты, где не надо ждать, когда плоды поспеют. Стоит только руку протянуть – и готово. А еще какая-то местная сумасшедшая – иначе не скажешь – периодически пробегала мимо с воплями: «Мария-Луиза!» Макс, хоть и зарекался не лазить в интернет, пока не доведет до ума поставленную на сегодня задачу, не выдержал – загуглил, кто такая Мария-Луиза. Поисковик выдал уйму вариантов – от второй супруги Наполеона I до поп-звезды Марии Луизы Чикконе, больше известной под именем Мадонна.

Убив таким образом почти сорок минут, Макс решил перебраться на кухню – подальше от соблазнов и поближе к кофе. Там дело пошло.

Через два часа, решив сделать паузу, Макс сварил очередную порцию допинга, улегся на диван и задумался. Казалось бы, он должен думать о работе. Но думалось почему-то о терминалах, которые без спроса скачивают деньги с карточек. Конечно, рациональное зерно в этом есть. На сегодняшний день все банковские карты оснащены NFC-чипом, позволяющим расплатиться за небольшие покупки, приложив карту к терминалу без ввода PIN-кода. Но, насколько известно, у стандартных терминалов очень маленький радиус дей-

ствия, и считать данные с карты, лежащей в кармане человека, пусть даже стоящего впритык, нереально. Такое оборудование должно быть в разы больше, что перечеркивает идею незаметности.

А в принципе идея неплоха. Да... Вот только у кого он будет стягивать эти деньги? Не у тех же, кто в автомобилях, а у пешеходов. Тех, кто чаще находится в толпе? Вроде бабы Шуры... Или Леночки. Леночка... Тут мысли Макса направились в совершенно другом направлении.

Но далеко зайти не успели. Его внимание привлек странный звук – словно кто-то скребся во входную дверь. Может, мать все-таки решила обратиться за помощью к тете Вере и сейчас кому-то из ее многочисленных отпрысков пришло в голову его навестить?

Макс подошел к двери и осторожно, чтобы ненароком не зацепить гостя, приоткрыл ее.

Это был кот – здоровенный, серый, откормленный. То есть откормленным он казался только с первого взгляда, ибо, как только открылась дверь, тут же прошмыгнул внутрь, явив изумленному хозяину дома свой тыл. Сзади животное поражало мускулистой поджаростью. Здоровым было только лицо – назвать анфас существа с огромным лбом мыслителя и мудрыми зелеными глазами мордой язык бы не повернулся. Кот был, несомненно, породистым. Очевидно, его отец или мать приехали с хозяевами на лето в Семёново и произвели на свет такого замечательного и умного сына.

– Ма! – сказал кот, глядя на Макса.

– Да, так меня зовут. Максим, или Макс. Но Ма – тоже пойдет. А тебя как зовут?

Кот не ответил. В городе у Макса никогда не было котов, да и желания завести какую-нибудь живность он не имел. Но регулярный просмотр роликов про котиков позволял сделать вывод: перед ним – представитель мужской половины кошачьего племени. Ну не может быть кошка такой мускулистой! Ясное дело, его гость – парень-качок.

– Пожалуй. – Макс на секунду задумался и выдал: – Я буду называть тебя Тимом. В честь сэра Тима Бернерса Ли, основателя НТТР. Он, кстати, единственный программист-рыцарь, которого посвятила сама королева Елизавета II. Как тебе? Нравится?

– Ма, – ответил кот, что, очевидно, означало согласие, и отправился на кухню, где очередным деликатным «Ма» напомнил хозяину о необходимости проявления минимального гостеприимства. Во всяком случае, именно так Макс это интерпретировал.

– Да, да, – смутился он, – кушать хочешь? Сейчас.

Хотя что, собственно, «сейчас»? Предложить коту доши-ка? Кофе? Вспомнилась колбаса на витрине «Продукта».

– Давай сгоняем в магазин, купим чего-нибудь? Как ты?

Похоже, к гонкам до продуктовой лавки и обратно Тим расположен не был. Выйдя вместе с Максом за порог, он зацепился хвостом за наличник, немного постоял, размышляя,

а затем направился напрямиком к гамаку, ловко запрыгнул в него и сказал: «Ма-а», что, вероятно, означало «Ты иди, а я тут подожду».

– Я мигом! – пообещал Макс. Уже подбегая к магазину, он столкнулся с бабой Шурой.

– В магазин, что ли? – спросила она, одарив его белозубой улыбкой.

«Не забыла-таки в этот раз челюсть нацепить», – подумал Макс и кивнул, не останавливаясь:

– Ага!

– Так закрыт уже, Леночка при мне дверь заперла и ушла.

– Куда? Куда ушла?

– Так на остановку автобусную. Она в Вишняковке живет, автобус через десять минут...

– Где? Где остановка? – прервал он старушку.

– Там. – Она неопределенно махнула рукой, и Макс порысил в указанном направлении.

Одинокую фигурку в скучной юбке и такой же кофточке, с небольшим рюкзачком в руках он опознал мгновенно и, набрав в легкие побольше воздуха, заорал:

– Лена!

Она обернулась, и тут из-за поворота вырулил автобус. Маленький, желтый, с сияющим в закатном свете лобовым стеклом, из-за чего водителя видно не было и казалось, что это беспилотник.

– Лена! – завопил Макс.

Она крикнула что-то в ответ, отчаянно жестикулируя и указывая то на запястье с часами, то на приближающийся транспорт. Автобус подъехал к остановке.

Непривычное к бегу сердце выскакивало из груди. От недостатка воздуха Макс согнулся пополам, уперев руки в бедра. Кое-как отдышавшись, он выпрямился и увидел, что автобус продолжил свой маршрут без Леночки. Девушка шла к нему по узкому тротуару. И пусть выражение ее лица было грустным, уставшим и даже несколько обиженным, Макс возликовал.

– Я бы завтра отдала вам сдачу, – сказала она, вытаскивая из рюкзака кошелек. – Вот теперь автобус ушел, и придется пешком домой добираться. Семь километров.

– Я отвезу! – поспешил успокоить ее Макс. – У меня машина! Правда!

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Просто у меня кот. Он говорящий и очень голодный. Я хотел купить чего-нибудь для него.

Недоверия во взгляде девушки прибавилось.

– Говорящий?

– Да, очень умный кот. И голодный. Пожалуйста, у вас есть что-нибудь для котиков?

Макс понимал, что выглядит натуральным придурком – вряд ли обладатель ценного кота поедет за город без запаса еды для своего любимца. Но, похоже, Леночка себе такие вопросы не задавала.

– Пойдемте, – сдаваясь, кивнула она. – Кормов для животных хозяин не завозит, но посмотрим, чем можно накормить вашего – как, кстати, его зовут?

– Тим, – обрадовался Макс. – Как Бернерса Ли.

Девушка понимающе кивнула, и Макс, окрыленный ее поддержкой, всю дорогу до магазина с упоением рассказывал об URL, HTTP, HTML и Всемирной паутине.

Подходя к магазину, они столкнулись с бабой Шурой. Макс голову был готов дать на отсечение, что десять минут назад она шла в совершенно другом направлении. Что заставило ее вернуться? Похоже, Леночку это тоже заинтересовало.

– Забыли что-то купить, Александра Степановна? – поинтересовалась она.

– Да нет, – пожала плечами бабулька. – Просто интересно было – догонит тебя юноша или нет.

– Догнал, – вздохнула девушка. – Спасибо вам, Александра Степановна.

– Да не за что, – не поняла сарказма баба Шура. – Всегда готова помочь.

Леночка полезла в сумку за ключами, а старушка с чувством выполненного долга отправилась восвояси.

В магазине Леночка выложила на прилавок несколько кусков колбасы, упаковку сосисок, пару банок рыбных консервов.

– Вот, самое безопасное. Тоже, конечно, с солью, специ-

ями и консервантами, но хоть свежее. Лучше бы, конечно, в Алексеево съездить, там магазин до десяти работает и наварняка есть специальный корм для котов.

– Съездим, – пообещал Макс. Он имел в виду, разумеется, Тима, но Леночка восприняла его слова на свой счет.

– Здорово, я давно собиралась туда заехать, купить тете чего-нибудь вкусенького.

– Ну, тогда пошли. Покормим Тима и поедем, – скомандовал Макс.

Ни в какой магазин они не попали. Сначала Тим вдумчиво и придирчиво дегустировал принесенные продукты. Потом, лежа в гамаке, все трое смотрели на звезды и пили сваренный Максом кофе, закусывая колбасой. А потом, невзирая на кофеин, заснули под нескончаемую песню яблоневого листочка. Что странно – тесно совершенно не было.

Макс проснулся от холода. Хотел разбудить Леночку и предложить перейти в дом, но передумал. С одной стороны, уж очень сладко она спала, с другой – предложить девушке, которая обращалась к нему на «вы», лечь с ним в кровать выглядело как-то не очень. Скоропалительно, что ли? Поэтому он быстренько сбегал в гостиную и принес плед – большой, теплый, немного пахнущий сыростью и еще, почему-то, сладким тестом.

Когда Макс накрывал им девушку, та проснулась, посмотрела на него непонимающе, потом узнала, улыбнулась благо-

дарно и, нырнув с головой в ароматное тепло, снова уснула.

Макс тоже попытался, но не успел. Внезапно ночь взорвалась звуками сирены, всполохами проблесковых маячков и ревом машин.

– Что случилось? – встрепелась Леночка.

– Да фиг его знает, – пробормотал Макс. – Спи, рано еще!
Утром в инете узнаем, что стряслось.

Но, как оказалось, Леночка не была так уверена в информированности интернета.

– Я пойду посмотрю, – заявила она, сползая с гамака. – Вдруг помощь нужна.

– Ты, что ли, будешь помощь оказывать? – не сдержался Макс.

– Почему нет? – Она пригладила рукой волосы и огляделась в поисках рюкзака.

Ну не отпускать же было ее одну! Макс, скрепя сердце, выбрался из-под пледа – бр-р-р, снаружи сыро и холодно.

– Мы с тобой прямо спасатели какие-то, знаешь, хомячки, Чип и Дейл. Припрямся сейчас, как дураки какие-нибудь.

Оказалось, таких хомячков в Сёмёново немало – темные тени скользили по главной улице деревни в направлении шума непонятного происхождения. Впереди все сильнее и сильнее разгоралось зарево, сильно тянуло запахом гари.

– Кажется, пожар, – сказала Леночка, заметно ускоряясь.

Макс уже сам догадался и позавидовал Тиму, который в хомячки не записывался и благополучно остался в гамаке.

Ну какая, спрашивается, от них польза на пожаре?

Леночка остановилась, и Макс чуть не врезался в нее.

– Магазин горит! – испуганно произнесла она. – Мой магазин!

Тут Макс совсем запутался. «Мой магазин» – сказала она, то есть собственный, что ли? Почему тогда она так смущалась из-за слов тетки с шопером, как там ее, Виктории? А если не собственный – чего расстраиваться? Подумаешь – сгорит. Устроиться на работу продавцом можно на раз-два-три. Открыл интернет, задал район поиска, нашел устраивающую вакансию и готово. Другое дело, если бы она хотела устроиться вице-президентом банка, это более проблематично. А продавцом...

Вдали уже виднелся обвьятый огнем домик с покосившейся вывеской, где еще угадывалось название «Продукт», и две пожарные машины. Вдруг, перекрывая рев пламени и треск дерева, раздался вопль:

– Сгорела-а-а-а! Девочка сгорела-а-а-а!

Мимо проехала полицейская машина и с визгом притормозила у гомонящей толпы. Синхронно хлопнули двери, и из машины вышли четыре человека. Один, насколько мог разглядеть Макс, в форме, остальные – кто во что горазд.

– Александра Степановна! – сказала Леночка, и Макс не понял, к кому это относится – к четверке из полицейской машины или к сгоревшей девочке. Вроде ни к кому.

Тут Леночка побежала куда-то в толпу, и Макс потерял

ее из виду, а когда вновь увидел, она уже стояла рядом с бабушкой и полицейским в форме, что-то говоря.

Макс подошел поближе.

– Вот! – Палец Александры Степановны ткнул его в грудь. – Он самый. Живой, значит.

– Живой, конечно, – подтвердил Макс. – С чего это мне не быть живым?

– Участковый Прохоров Никита Маркович, – отрекомендовался полицейский в форме.

– Максим. Титов, – в тон ему ответил Макс, и Прохоров кивнул ему, словно старому знакомому.

– Александра Степановна решила, что я сгорела в магазине и ты тоже, – пояснила суть происходящего Леночка. – Она видела, как я вернулась после того, как закрыла магазин, и решила, что мы с тобой...

Тут Леночка смутилась, опустила голову, но Макс и без дальнейших пояснений было件нятно, в чем заподозрила его бдительная старушка.

– Я так и знала, что эта мерзавка спалит магазин, – раздался позади отвратительный женский голос. – Вот и делай после этого людям добро!

Макс обернулся и тут же узнал Викторию Егоровну, ту самую посетительницу магазина со здоровенным шопером. То есть, разумеется, она была без авоськи, но в сопровождении мужчины откровенно бандитского вида.

– Ну смотри, Егорова, – заявил он, и Макс понял, что это

Леночкина фамилия, – вы с теткой теперь до самой смерти со мной не расплатитесь.

– Подождите, Николай Сергеевич, сначала разобраться надо, – осадил его участковый.

На взгляд Макса, Прохоров был слишком молодым, ну, может, года на два старше его самого, и каким-то несерьезным, абсолютно не похожим на полицейских – героев сериалов. Бандитского вида Николай Сергеевич, похоже, придерживался аналогичного мнения.

– Да чего разбираться? – заорал он. – Сделала вид, что ушла, а потом вернулась, да еще подельника с собой привела. Вот этого! – Он ткнул пальцем в Макса. – Тоже ведь не местный, наверняка подждал ее. Да только не повезло – баба Шура их засекала.

– Ага, – подтвердила Александра Степановна. – Он днем заходил в магазин и все глазами по полкам зыркал. Он и есть главный. А Леночка – хорошая девочка! Тетю свою любит. Ты бы, Никитка, спросил у него документы.

– Так, – осадил ее полицейский, оказавшийся Никиткой. – Я, Александра Степановна, разберусь, что мне делать. Вы бы шли домой, а то обстановка уж очень накаленная, как бы вас кто с ног не сшиб.

– Это ты на что намекаешь? – взорвалась баба Шура, а Николай Сергеевич ее поддержал.

– Как это «шли домой»? – возмутился он. – Она же главный свидетель! Ее нужно немедленно в район везти, брать

показания по всей форме. У меня в подсобке, в сейфе, восемь лимонов лежало. Ты, Никита Маркович, таких денег за всю свою жизнь не заработал. Если их там сейчас нет, значит, эти двое им ноги приделали. А деньги, между прочим, не только мои, но и Илюхины. Четыре на четыре, значит. А Илюха – он терпеть не станет...

– Давайте, гражданин Коновалов, каждый будет заниматься своим делом, – ровным голосом заявил полицейский. – Предлагаю решать проблемы по мере возникновения. Пока бесспорным является только факт возгорания здания магазина. Факт поджога пока ничем не подтверждается. Здание старое, вполне могла проводка коротнуть. И о факте хищения денежных средств говорить пока рано. Вот как только мы его зафиксируем...

– Да пока вы его зафиксируете, эти двое смоются с моими и Илюхиными деньгами. Ищи их потом! Ты даже фамилию у этого типа не спросил. И где он живет!

– Знаю я его фамилию, и где живет тоже, – отмахнулся Никита Маркович, и Макс поразился прозорливости деревенского участкового.

А еще он вспомнил рюкзачок Леночки и попытался представить восемь миллионов – влезут ли они в него. Даже если по пять тысяч – это шестнадцать пачек по сто купюр, определенно, нет. Может, она не все взяла?

От этих мыслей сделалось грустно и противно. Вспомнилось, как девушка шла ему навстречу, уставшая и расстро-

енная. Как достала из рюкзачка кошелек. Нет, определенно пачек с деньгами там не было. Ни одной.

Тут мысли Макса немного изменили направление. Надо же, какую прибыль приносит маленький сельский магазинчик. Может, ну ее, эту работу? Найти деревни, где магазинов нет, и открыть пару-тройку таких вот «Продуктов». Конечно же, все снабжение компьютеризировать, наладить инкассацию...

Почему, интересно, Коновалов хранил деньги в магазине? Заначка от жены? Судя по здоровенному шоперу и хищному взгляду, для Виктории потратить восемь миллионов – ерунда. Но Коновалов не похож на бесхребетного подкаблучника, который не в состоянии сладить с собственной супругой. И, кстати, у Леночки не было сдачи с тысячи. Она сказала, что хозяин, надо понимать, этот самый Коновалов, только что выручку снял. Зачем, спрашивается, имея в сейфе восемь лямов, таскать из кассы выручку, словно блины со сковородки? Может, и не было никаких миллионов? Сказать-то можно все что угодно.

– Предлагаю дождаться результатов первоначальных следственных действий, – продолжал между тем Никита Маркович, – а потом выдвигать обвинения. Группа уже приступила к осмотру. Вас, Николай Сергеевич, как лицо заинтересованное, я обязуюсь держать в курсе.

– Ты уж постарайся, – грубо буркнул Коновалов. – А с этой что думаешь делать? Арестуешь?

– Для задержания гражданки Егоровой пока нет оснований, – заявил полицейский, сделав акцент на слове «задержание». – Насколько мне известно, у нее имеются определенные семейные проблемы. Не думаю, что она попытается скрыться. Так?

Никита Маркович посмотрел на Леночку, и она замотала головой:

– Я не поджигала! Зачем мне поджигать магазин? Нам очень нужна эта работа!

– Так затем и подожгла, чтобы никто не узнал, что ты бабки сперла! – захохотал Коновалов. – Смотри, попытаешься сбежать с моими деньгами, мы с Илюхой тебя из-под земли достанем. И ты, Никита, не вздумай ей потакать! Я на тебя быстро управу найду.

Изобразив в очередной раз зверское лицо, Николай Сергеевич направился к дымящимся останкам своего детища.

Тем временем Никита Маркович достал из кармана блокнот с ручкой и протянул их Леночке.

– Запишите, пожалуйста, свой номер телефона. Насколько я понимаю, вы были последней в помещении магазина? – сказал он.

– Да, – кивнула девушка. – Вот только...

– Что?

– Телефон куда-то делся...

Эта фраза Никиту почему-то насторожила.

– Куда делся? Когда? – выпалил он.

– Не знаю. Утром точно был – я тете звонила. Потом еще звонила на хлебокомбинат, узнавала, когда машина будет. Вечером хотела позвонить – а его нет.

Тут уже насторожился Макс. Ну как, скажите пожалуйста, современный человек может поговорить утром по телефону и целый день не знать, где находится этот сверхважный для современного человека гаджет? Ну ладно – никто не звонит. Но телефон – это же не только разговоры. Это практически вся жизнь!

– Прохоров! – прервал его раздумья неизвестно откуда появившийся мужчина в джинсовом костюме, и Макс вспомнил, что это один из троих в штатском, приехавших на полицейской машине. – Есть свидетели?

– Да не особо. Вот, девушка-продавец. Александра Степановна. – Никита обернулся в поисках бабульки, но той уже и след простыл. Он пожал плечами и спросил у джинсового: – Что-нибудь нашли?

Тот кивнул.

– Поджог, однозначно. У задней стены канистра валялась. Обгорела, конечно, но пальчики наш эксперт снял. И вот еще телефон. Похоже, поджигатель выронил.

– Что за телефон, Андрей? – молниеносно среагировал Никита.

– Вот. – Джинсовый Андрей показал что-то на экране своего смартфона.

Макс тоже заглянул. Допотопная кнопочная «Нокиа» мог-

ла принадлежать разве что бабе Шуре.

– Вам знаком этот телефон? – строго спросил Никита у Леночки.

– Это мой, – дрожащим голосом призналась она. – Но я не поджигала...

– Разберемся, – резко оборвал ее участковый. От его доброжелательного тона не осталось и следа. – Когда вы узнали о пожаре?

– Не знаю, я на часы не смотрела. Проснулась от sireны пожарных машин и сразу побежала сюда.

– Кто может подтвердить ваши слова?

Леночка смутилась, и Максим поспешил прийти на помощь:

– Я! Мы были вместе!

Тут ему в голову пришла мысль: если Леночка проснулась, когда он пошел за пледом, то и она могла беспрепятственно сбежать в магазин. Макс тут же мысль прогнал, как совершенно иррациональную, но она, очевидно, успела отразиться на его лице и была тут же считана прозорливым Никитой Марковичем.

– Кто-то еще может подтвердить ваши слова? – быстро спросил он.

– Разве что Тим, – неуверенно произнес Макс.

– Тим? – уточнил Андрей.

– Да, мой кот.

Макс хотел добавить про сэра Тима Бернерса Ли и про

НТТР, но решил, что делу это не поможет.

– Отставить кота, – скомандовал Андрей. – Вы что-то еще хотели сказать? – Полицейский читал его мысли.

– Нет. – Макс покачал головой. – Не хотел.

– Значит, так, – подвел итог Андрей. – Вы, девушка, поедете со мной в район. Откатаем пальчики, оформим протокол. Вам же все равно на работу не нужно, правильно я понимаю? А вы, молодой человек, отправляйтесь к коту и из деревни пока не уезжайте. Это понятно?

Макс терпеть не мог, когда его принимали за имбецила, поэтому отвечать не стал. Стоял дурак дураком и смотрел, как маленькая фигурка идет в сопровождении джинсового Андрея к машине. Ему очень хотелось, чтобы Лена обернулась, помахала рукой, но она явно не собиралась. Девушка села на заднее сиденье, мягко хлопнула дверца, автомобиль сорвался с места, свернул к озеру и скрылся из глаз.

– Какие мои действия? – спросил Макс у Никиты.

– Домой иди, – пожал плечами тот.

– Может, надо адвоката найти? – предложил Макс.

– Не дури, – отмахнулся от его предложения участковый. – Еще чего выдумал – адвоката! Если вдруг что понадобится, я тебе скажу. Все, свободен! Тебя кот заждался.

«А ведь и правда заждался», – мысленно согласился Макс и пошел домой.

Тим лежал в гамаке, но вид у него, по сравнению со вчерашним, был взволнованный. Рядом, на траве, валялся Ле-

ночкин рюкзачок. Макс не удержался и заглянул в него. Разумеется, миллионов там не было: расческа, зеркальце и маленький кошелек с тремя сотенными купюрами и горсткой мелочи.

– Ма? – Мудрые кошачьи глаза вопросительно посмотрели на Макса.

Он сел рядом с Тимом и, как мог, обрисовал ситуацию. Получилось, конечно, беспорядочно, но кот понял.

– Ма-а, – кивнул он и, мягко спрыгнув с гамака, отправился на кухню.

«Понятно, – подумал Макс. – Война войной, а завтрак по расписанию».

Щелкнув кнопкой электрочайника, он выложил на блюде остатки вчерашних деликатесов из «Продукта» и поставил его перед Тимом. Затем на автомате набодяжил себе дошика, достал из комода ложку и вдруг понял, что есть совершенно не в состоянии.

Как, скажите, можно есть, когда девушка, с которой он вчера слушал песню яблоневого листья, голодная? Да ладно бы голодная. Все знакомые Максиму девушки – как онлайн, так и офлайн, – пребывали в состоянии перманентного голодания. Вот только делали они это по собственной инициативе, а Леночка – по принуждению, к тому же несправедливому. Ведь она стопудово не поджигала чертов магазин. Или поджигала?

Макс прислушался к себе, но ответа не нашел и решил

проконсультироваться у своего привычного источника – интернета. Сначала вообще банально – обратился за помощью к оракулу «да-нет». Конечно, способ не стопроцентный, но чему в наше время, когда подвергаются сомнению самые, казалось бы, незыблемые постулаты, можно безоговорочно доверять? Разве что Тиму.

Оракул подтвердил Леночкину невиновность, и, окрыленный поддержкой, Макс расширил свой вопрос к всемирному разуму. Он накатал небольшой пост, немного сумбурный, но, в принципе, понятный, изложил ситуацию и попросил посоветовать, что предпринять. Ответов, что удивительно, последовало довольно много. Забить на все и наслаждаться жизнью, поискать ответ на страничке автора коммента и не забыть поставить лайк, не лезть в дела полиции, а то всем будет только хуже. Насчет адвоката тоже были предложения, как и предложения этих самых адвокатов немедленно приступить к делу. И только один человек по имени СуперМарио написал: «Я бы нашел настоящего поджигателя».

– А как? – спросил Макс.

Ответа не последовало.

Макс постучался ответчику в личку, накатал еще пару комментов, однако СуперМарио делиться мыслями не спешил. Но, похоже, какие-то соображения появились у Тима. Окончив трапезу и благородно оставив на блюде несколько кусочков колбасы – Макс, наверное, – кот потерял лобастой головой о его джинсы и коротко заявил:

– Ма!

«Это “Ма” неспроста», – подумал Макс и спросил:

– Что ты предлагаешь?

– Ма! – сказал Тим и направился к двери, всем своим видом приглашая присоединиться к нему.

Макс подумал, что кот направился к гамаку, но не тут-то было. Тим подошел к калитке, обернулся и повторил приглашение:

– Ма-а-а!

– Ты куда? – удивился Макс.

Кот не ответил. Он дождался, пока человек выйдет на улицу, после чего преспокойно направился к гамаку, считая, очевидно, свою миссию выполненной.

– Уж очень ты лаконичен, мой серый друг, – пробормотал Макс.

Он потоптался на пороге, борясь с желанием вернуться и проверить, нет ли новой информации от СуперМарио, с одной стороны, и нежеланием выглядет придурком в глазах Тима, с другой. Что, интересно, имел в виду кот, выпроваживая его из дома? Вряд ли собирался пригласить подружку. А что тогда? Хочет, чтобы Макс искал поджигателя? Но как? По идее, нужно ходить по домам и расспрашивать свидетелей. Но кто будет с ним разговаривать? Для жителей Сёмёново он дачник, понаех, существо третьего сорта. Позвонить маме и попросить поговорить с тетей Верой, и, уже заручившись поддержкой соседки, искать свидетелей? Ну нет. Это

просто коту на смех! Тогда что делать? С чего, вернее, с кого начать? Может, у жителей деревни есть свой чат в «Телеграме» или ватсапе? А может, страничка «ВКонтакте»?

Тут ему вспомнилась беззубая челюсть с одиноким клыком. Баба Шура! Та, конечно, в интернете не зависает, но поговорить хоть с кем точно не откажется. И найти ее будет не так уж трудно – определенно, бабуля со всеми коренными жителями водит знакомство.

Мысль эта показалась Максиму вполне состоятельной, и, не теряя времени на ее более основательное обдумывание, он отправился на поиски Александры Степановны. Долго искать не пришлось. Не прошел Макс и полсотни шагов, как был атакован пацанчиком на самокате. Рыжие кудри и испуганные глаза – все, что удалось разглядеть перед тем, как неизвестно откуда вылетевший транспорт врезался в его ногу.

– Привет! – сказал Макс.

– Ага, – молниеносно справившись с испугом, ответил ребенок.

– Цел?

– Ага! – Самокатчик то ли не знал других слов, то ли не желал тратить силы на пустопорожние разговоры.

– Не подскажешь, как найти бабу Шуру? – спросил Макс и уточнил: – Александру Степановну.

Пацанчик нахмурил лоб.

– А-а-а! Вампиршу! – осенило его, и мальчик обнажил

челюсть, изобразив с помощью пальца одинокий клык.

– Во-во! – обрадовался Макс.

– А чего ее искать, в-о-о-н зеленый забор.

Макс проследил за пальцем с отгрызенным ногтем и поспешил в указанном направлении.

Звонка на калитке в зеленом заборе не было. Макс прошел по густо заросшей травой дорожке, поднялся на крылечко и громко стукнул три раза.

– Чего тебе? – раздался откуда-то слева недовольный голос. – Иди, откуда пришел.

Макс обернулся и увидел бабу Шуру. Старушка удобно расположилась в подвесном ротанговом кресле, никак, по мнению Макса, не вязавшемся с ее обликом.

– И вам хорошего дня, Александра Степановна! – с самым что ни на есть доброжелательным видом ответил Макс.

– Юморист, значит, – коротко хохотнула бабуля. – Ну-ну... Все равно нечего тебе здесь делать. Знаем мы вас, дачников! Вроде бы мимо шли, а пол-яблони обнести ухитрились.

– Так зеленые еще яблоки, баба Шура.

– Вот-вот, уже нацелился! И я тебе не бабушка!

– Так и я не дачник, а свой, сёмёновский.

– Да неужели! – Баба Шура даже привстала в своем кресле, чтобы получше рассмотреть новоиспеченного земляка.

– Я в восьмом доме живу, на центральной улице. Моя бабушка – Титова Анна Сергеевна. Вы ее наверняка должны

знать.

– Анютка? – обрадовалась баба Шура. – Постой! Так ты – Максимушка?

Макс терпеть не мог, когда его так называли, но не спорить же с человеком, от которого ждешь помощи. Пришлось уговорить своего внутреннего дикобраза повременить с выставлением колючек.

– Ага, он.

Баба Шура споро слетела с насеста.

– Так что же мы даром так сидим? Чаю хочешь?

Вообще-то, сидела только она, Макс во время разговора стоял перед ней, словно нерадивый ученик перед строгим учителем. Но спорить он не стал – чаю так чаю. Коротко кивнул:

– Не откажусь.

К чаю прилагалась корзинка с разнообразными симпатичными печеньками и длинный рассказ о сёмёновской жизни, перемежающийся дифирамбами его родителям, не оставившим Анечку, то есть бабушку Максимушки, в одиночестве. Макс изображал внимательного и благодарного слушателя, ловя момент, когда можно будет вставить словечко на интересующую его тему. И дождался, наконец.

– Леночка вот тоже тетю свою не бросила, – забросил он крючок.

– Леночка? – удивилась баба Шура.

– Ну да! Которая из магазина.

– А, Егорова! Поджигательница!

– Думаете, это она магазин подожгла?

– Даже не знаю, что сказать. Утром вот была на сто процентов уверена, что она. А сейчас как-то сомневаюсь... Тут же тетка ее работает, Людмила. Люся. Уже лет десять, а то и больше. А тут прихватило ее, «Скорая» в район увезла. Операцию сделали... У нас же тут рядом больницы нет, только в Вишняковке. Кузьмича, вон, прошлым летом прихватило – так не довезли. Все-таки родители твои молодцы, что Анечку забрали в город. Оно как-то надежнее...

– А Леночка? – Макс попытался развернуть ушедшее в сторону русло беседы в нужном ему направлении.

– Так Люсе эту, как ее... А! Ла-па-ро-скопическую операцию сделали.

В медицине, к тому же без «Гугла» под рукой, Макс был не очень осведомлен, поэтому только понимающе кивнул.

– И как бедная Люся там одна в больнице? Может, голодная лежит? – вздохнула баба Шура. – Я бы съездила, да только далеко... Не в том я возрасте, чтобы по автобусам прыгать.

Что-то в последнее время количество голодных растет и растет. Конечно, посещение больницы с целью обеспечения продуктами Леночкиной тети никаким образом не вписывалось в планы Макса. Но, поразмыслив немного, он решил, что подобный визит может поднять его статус в глазах девушки. Прислушался к себе – надо ему это или нет, – и по-

нял: надо.

– Хотите, я вас отвезу! На машине! – предложил он. – Только после обеда. Я сейчас как-никак на работе.

– А давай! – немедля согласилась старушка. – К Люсе зайдем, потом по магазинам пройдемся. Давненько я в район не выбиралась. А по пути ты про Анечку расскажешь. Как она там, подружка моя?

Перспектива совместного шопинга не радовала, но, как говорится, назвался груздем – так тебе и надо.

Вернувшись домой, Макс постарался максимально сфокусироваться на работе, даже почту не проверил. Тим такое рвение одобрил, сказал:

– Ма-а-а! – и устроился на столе рядом с ноутбуком.

Макса поначалу такое поведение насторожило. Котики из интернетских роликов обычно укладываются на клавиатуру, охотятся за курсором, нападают на быстро печатающие пальцы или пытаются зафиксировать свои мысли, беспорядочно нажимая на клавиши. Тим был не таким. Он спокойно лежал рядом и дремал. Но спокойствие это было лишь видимостью. Стоило в голове Макса зародиться мысли, что неплохо бы полистать новости, как кошачьи глаза тут же открывались и полный укора взгляд предлагал не отвлекаться.

Казалось бы, утренние события должны были начисто лишить Макса последних остатков трудоспособности, но все вышло с точностью до наоборот: молчаливая поддержка Тима и осознание факта, что кроме работы у него есть еще од-

на очень важная задача, заставили мозг максимально сфокусироваться на поставленной задаче. В полтретьего донельзя довольный Макс подъехал к дому бабы Шуры.

– Давай, рассказывай про Анечку, – заявила она, забросив на заднее сиденье объемный пакет и устроившись рядом с Максом.

Вообще-то, рассказ про жизнь бабушки в его планы не входил. Да и не так уж часто он навещал родительский дом, чтобы накопить объем информации, способный удовлетворить любопытство бабы Шуры. Рассказав, что знал, и добавив немного собственных фантазий для внушительности, Макс решил, что пришло время задать интересующие его вопросы.

– А что, Александра Степановна, действительно сосед ваш такой богатый?

– Сосед? Какой сосед? – не сразу поняла баба Шура.

– Хозяин магазина сгоревшего, – пояснил Макс.

– Да кто ж его знает? Может, богатый, может, и нет. Дохода у него, кроме магазина нашего, нет. Огород, птицу, скотину не держат. Фрукты-ягоды, опять же, на рынок не возят. Виктория вся из себя ходит, золотом обвешанная. Получается, есть деньги? С другой стороны, как отвалилась у вывески буква «ы», так он и не позаботился новую исправить. Думаешь, я ему не говорила? Раз сто, не меньше. А он все мимо ушей пропускал. Какая, говорит, разница, есть буква – нет. Все одно народу податься некуда. Так чего зря бабками

сорить?

«Может, потому и есть, что прижимистый», – подумал Макс, но все равно в наличие в кассе «Продукта» восьми миллионов верилось с трудом.

Стоило переступить порог районной больницы – мрачной, гулкой, насквозь пропахшей болезнями, – и Макс моментально расхотелось видеться с Леночкиной тетей. Но баба Шура почувствовала вибрации тонких струн души своего сопровождающего и сунула ему в руки пакет. Настолько увесистый, что Макс на мгновение был буквально пригвожден к полу и только спустя какое-то время нашел в себе силы сделать шаг, потом второй и так далее. Не иначе баба Шура припасла гостинцев всем пациентам и больничному персоналу в придачу.

Уверенно толкнув дверь с цифрой «5», баба Шура, а следом за ней Макс оказались в палате с двумя большими окнами, распахнутыми настежь, благодаря чему пахло в ней не в пример лучше, чем в коридоре, – цитрусами. Источником запаха служил большой апельсин, который пыталась очистить от кожуры единственная обитательница помещения, хрупкая маленькая женщина в розовом махровом халате. Получалось у нее плохо, потому что одна рука была забинтована. Макс еще подумал, что Леночкину тетю выписали, так как у нее были проблемы с животом, а у обладательницы розового халата болела рука. А еще подумал, что это к лучшему: при-

шло бы сейчас расстраивать больную рассказом о приключившейся с ее племянницей беде. И оба раза ошибся, потому что баба Шура радостно завопила:

– Люси!

Прямо так и завопила, на французский или какой еще манер, с ударением на последней букве, Максу вдруг вспомнилась тетка, которая бегала по деревне и разыскивала Марию-Луизу. Баба Шура тем временем продолжала вещать:

– Добрый денечек! А что с рукой? Ты прямо как королева, одна в палате. – Она обвела взглядом пустые, аккуратно заправленные кровати и, не дожидаясь ответа, выпалила все новости о пожаре, пропавших миллионах и арестованной Леночке.

Последняя новость привела Людмилу Егорову в крайнюю степень волнения.

– Подожди! Как арестовали? Ты говоришь, ночью загорелось. Леночка же ночью дома была, в Вишняковке! Разве нет?

– А вот и нет, – с нескрываемым, прямо-таки садистским удовольствием возразила баба Шура. – Познакомься, кстати, это Максимушка.

– Здравьте. – Макс водрузил на тумбочку пакет, отметив при том, что верхняя часть хлипкой больничной мебели слегка прогнулась под его тяжестью.

– Я тут тебе гостинцев принесла, – прокомментировала его действия баба Шура.

– Спасибо, Саша. Зачем же так много? – засмушалась Егорова.

– Ты не отказывайся, не отказывайся! Я к тебе, может, больше не попаду, а Леночка, скорее всего, надолго за решетку. Сама знаешь, оказаться там легко, а выйти...

Глаза Людмилы наполнились слезами, и баба Шура поспешила успокоить подругу:

– Ты погоди реветь, Максимушка Леночке твоей помогает.

– Вы адвокат? – встрепенулась Людмила.

– Да нет, – досадливо отмахнулась баба Шура. – Откуда у нас деньги на адвоката? Компьютерщик он.

– Компьютерщик, – разочарованно повторила Егорова, и слеза скатилась по ее щеке.

– Он еще и Аннушкин внук.

– Аннушкин? – Если бы не закон всемирного тяготения, слезы Людмилы вернулись бы к своим истокам. Она даже улыбнулась слегка, несмотря на грустные известия. – Нашей Аннушки?

– Нашей, нашей!

– Как там она?

Костлявый локоть бабы Шуры толкнул Макса в бок, мол, не стой столбом, рассказывай. Он повторил на бис рассказ о жизни бабушки в городе.

Обе женщины внимательно слушали, изредка кивая. В части, которую он домыслил и приукрасил для бабы Шуры,

Макс, вероятнее всего, путался в деталях, но она слушала так же внимательно, как и в первый раз. Похоже, подруги действительно были очень рады за бабушку, хотя и немного завидовали ей. Самую малость.

– Я тут подумала, – немного помолчав после окончания рассказа Макса, заявила Людмила, – может, ты бы женился на Леночке моей? Я бы дом в Вишняковке продала, свадьбу справили, как положено...

Ну что тут скажешь?

– М-м-м, – проямлил Макс, – а вот скажите, пожалуйста, Людмила... М-м-м...

– Андреевна, можно просто тетя Люся.

– Людмила Андреевна! Вы же работали в «Продукте». Действительно ли в сейфе могло находиться восемь миллионов?

– Да кто ж его знает? Сейф стоял в хозяйском кабинете, маленькая такая комнатка без окон. Дверь всегда на ключ закрыта. Говорят, Николай Сергеевич, это хозяин, иногда туда баб водил, но я ни разу при этом не присутствовала. Скорее всего, это уже после закрытия магазина, когда я домой уезжала.

– Может, он и в этот раз кого-то приводил? – предположил Макс.

– Это у него надо спрашивать, не у меня.

– А насчет восьми миллионов? – напомнил он. – Какая, примерно, была выручка в день?

– Да какая там выручка? Тысяч двадцать-тридцать. В предпраздничные дни до полтинника набегало... У Николая Сергеевича была привычка постоянно прибегать и забирать из кассы деньги. Иногда с женой, с Викой. Заберут – и в район. Типа с поставщиками нужно рассчитаться, а куда на самом деле...

– Кстати, – Максиму вспомнилась огромная сумка Виктории Коноваловой, – а у жены шефа вашего могли быть ключи от сейфа?

– Чего не знаю, того не знаю. Я лично ни разу не видела, чтобы она в его кабинет заходила, но в подсобку часто заглядывала. Вроде как с проверкой.

– Я бы ее со счетов не скидывала. – В бабе Шуре проснулся сыщицкий дух. – Вполне могла деньги присвоить, в торбу положить, а потом магазин поджечь, чтобы следы уничтожить.

– А кто такой Илюха? – Макс вопросительно уставился на обеих собеседниц.

– Это брат Серея Коновалова, – пояснила баба Шура. – Бандит бандитом. В колонии сидел по малолетке. А чего ты спрашиваешь?

– Так Коновалов сказал, что деньги эти – их с братом обшак.

– Обшак, говоришь? Ну, тогда, может, Илья Коновалов грабил, а брат его прикрывал, магазин был вроде как для легализации доходов, – предположила Людмила Андреевна. –

При мне он в хозяйский кабинет без брата ни разу не входил. Вдвоем – да, неоднократно. Зайдут, пошущукаются, иногда бутылку с магазина прихватят. Наверное, делили добычу.

– Короче, – подвел черту Макс, – если подтвердится, что восемь миллионов в сейфе действительно были, то взять их, кроме Леночки, могли Виктория, Сергей или Илья Коноваловы. А также другие жители Семёнова.

– Леночку сразу вычеркивай, – потребовала Людмила Андреевна.

– О'кей, – согласился Макс, но лишь для успокоения ее родственницы. Конечно, Леночка ему понравилась, даже очень. Но непредвзятость следствия никто не отменял.

– Ладно, пошли мы, – опомнилась баба Шура. – Надо еще в магазин зайти, пока народ с работы не пошел, а то будем два часа в кассу стоять. Чего-то соседки твои загуляли. – Она кивнула в сторону пустующих кроватей.

– Так они на дневном стационаре. Утром пришли, отстрелялись и ушли.

– Отстрелялись? – запнулся о непонятный термин Макс.

– Ну, уколы, таблетки, процедуры всякие поделали и вперед – дома дел невпроворот. А мне далеко ездить, вот и кукую тут.

– Вы это, – сказал Макс, перемещаясь к выходу, – если что нужно, звоните. Я привезу.

Он пошарил глазами по палате, обнаружил на одной из тумбочек изрядно замусоленную газету с кроссвордами и

ручку, оторвал полоску бумаги и записал свой номер телефона.

– В любое время дня и ночи. – Макс подумал немного и конкретизировал: – Лучше, конечно, днем...

– Ты так и не сказала, что у тебя с рукой, – напомнила баба Шура.

– Обожгла. – Людмила достала из тумбочки какую-то штуку, оказавшуюся допотопным кипятильником в виде спирали. – Из розетки вытаскивала, да нечаянно дернула сильнее, чем нужно, вода расплескалась, и вот результат.

– Неужели сейчас еще такими пользуются? – Макс с недоверием переводил глаза с кипятильника на перебинтованную руку Людмилы. – Для чая же существуют кулеры!

– Спуститесь на землю, молодой человек! Какие кулеры? Где их взять?

Однако первое, что увидел Макс, когда они с бабой Шурой, попрощавшись с Леночкиной тетей, шли по больничному коридору к выходу, был новехонький кулер с красным и синим краниками и почти полной бутылью воды. В голове у него тут же зародилась какая-то мысль, и, не дав ей полностью созреть, Макс уже атаковал вопросами молоденькую медсестричку с бейджиком «Юля» на сияющем белизной халате:

– Здравствуйте, Юля! Скажите, пожалуйста, вы до какого часа работаете?

Девушка заулыбалась. При этом на щеках у нее образова-

лись кокетливые ямочки.

– Я лично сегодня до шести.

– А вообще больница?

– Больница – круглосуточно. Мало ли что может с человеком случиться. Вызывают «Скорую» и везут к нам.

– То есть в любое время дня и ночи отсюда можно выйти и через какое-то время вернуться?

– Ну, теоретически да. Вообще то внизу стоит охрана...

– Хватит любезничать, пошли уже, – тычком локтя в бок напомнила о своем существовании баба Шура.

– Извините, Юля, надеюсь, мы еще вернемся к этому разговору, – пообещал Макс.

– И я надеюсь. – Девушка снова продемонстрировала ямочки на щеках.

Попытки задать вопросы охраннику, строгому дядьке лет пятидесяти, в камуфляже, с седой щетиной на щеках – еще пара недель, и можно играть Деда Мороза без грима, – с треском провалилась.

– Посещения до девятнадцати, потом дверь закрывается, утром с семи тридцати, – сказал он, как отрезал.

Похоже, это только в детективных фильмах на вопросы сыщиков все отвечают охотно и правдиво.

– Ты это зачем спрашивал? – поинтересовалась баба Шура, устраиваясь поудобнее на сиденье «Соляриса». – Уж не вздумал ли Люську подозревать?

– Типа того, – не стал увиливать от прямого ответа Макс.

– Ну конечно! Человек с разрезанным животом, по-твоему, будет скакать с канистрой вокруг магазина, ожидая, пока швы разойдутся. Так?

«Надо почитать, что за зверь такой – лапароскопическая операция», – подумал Макс.

– Чего молчишь? – разъярилась баба Шура.

Макс уже привык к ее одинокому клыку, но вкупе с перекошенным от гнева лицом выглядел он крайне зловеще. На его счастье, судя по навигатору, они подъезжали к супермаркету.

– А вот и магазин, – с облегчением провозгласил Макс, въезжая на парковку.

Странно, но для котов ассортимент еды был гораздо шире, чем выбор дошиков. Тут тебе и говядина, и утка с кроликом, и лосось с форелью, и курица с индейкой и ягненок. Лапша же была с курицей, говядиной, свининой и беконом. Присутствовал еще веганский вариант – с сыром, грибами и кимчи. Но Макс предпочитал мясо, а потому, побросав, не глядя, пару десятков упаковок в корзинку, направился к кассе.

– Что это ты понабирал? – загрохотал за спиной голос бабы Шуры.

– Это коту, – сообщил Макс.

– Коту? – не поверила баба Шура и чуть позже, увидев сумму на кассовом аппарате, еще более удивленно переспросила: – Ко-ту-у-у?

Сама она нагребла – и когда успела? – полную тележку каких-от круп, чаев, печенек и, когда Макс сгружал продукты в багажник, пояснила:

– Выгодно купила, со скидочкой, надолго хватит. Магазин-то теперь не скоро откроется.

К дальнейшему обсуждению интересующей его темы Макс не возвращался, опасаясь гнева бабы Шуры.

Оказавшись дома, он перво-наперво накормил Тима. Тот еду одобрил благодарственным «Ма-у-у!». Потом проверил, нет ли сообщений от менеджера проекта. К счастью, таких не оказалось. Макс вышел на крылечко, присел. Тим тут же подошел, одобряюще потерся лобастой головой.

– Ну и что мы теперь будем делать? Похоже, следствие зашло в тупик.

– Ма-а-а-а! – проговорил Тим и посмотрел в сторону забора тети Веры. Впрочем, никакой это был не забор, а так – одно название, невысокий штакетник, за которым долговязая мужская фигура в цветастых шортах бродила по колено в ботве и что-то собирала в пол-литровую стеклянную банку.

Видно, почувствовав взгляды кота и человека, фигура выпрямилась.

– Привет, сосед! – И Макс узнал участкового Никиту Прохорова.

– Здравствуйте! – Макса словно ветром сдуло с насеста. Он попытался вспомнить многочисленных детей соседки, чтобы определить, кем ей приходится Прохоров. – А вы тут

живете? Наверное, тети Верин родственник?

– Почти! – усмехнулся Никита. – Внучатый зять.

– Вну...? – задумался Макс, перевел взгляд на банку и ужаснулся – в ней копошилось что-то черно-оранжевое. – А это что?

– Колорадский жук. Вот собираю. Пытаюсь хоть как-то помогать, – пояснил Никита.

– А химией не пробовали?

– Так для себя же, не на продажу.

«Лучше бы ты поджигателей ловил», – подумал Макс, а вслух сказал:

– Я тут, кстати, беседовал с местными жителями...

– Ну-ну, – усмехнулся Никита, – и что они?

– Они сомневаются, что Коновалов действительно мог насобирать восемь миллионов.

– Насобирать не мог, факт, – кивнул Никита, – но означенная сумма у него действительно имелась. Причем действительно на двоих с братом, Ильей Сергеевичем.

Он замолчал, насмешливо глядя на Макса. Как будто ждал, когда тот начнет задавать вопросы, чтобы послать его подальше, как охранник в больнице. Но не таков был Макс.

– Ну, тогда я знаю, кто поджег магазин и забрал деньги. То есть, наоборот, сначала забрал деньги, а потом поджег «Продукт».

Лицо Прохорова приобрело крайне заинтересованное выражение.

– И кто же?

– Сначала расскажите, откуда миллионы.

– Можно на «ты», – предложил Никита. – А с какой целью интересуешься?

– Тоже хочу. Устроит такой ответ?

– Вполне. Дом они продали материнский. Сам дом не особо много стоит, но к нему прилагается земельный участок очень большой с выходом на озеро. Один богатей из Рослани, Роман Викторович Леонтьев, облюбовал его под гостиницу. Долго обхаживал Коноваловых и уговорил-таки. Я договор купли-продажи своими глазами видел. Восемь миллионов. Теперь ты рассказывай!

Макс выложил свои соображения по поводу Леночкиной тети.

– Ну-у, – задумчиво протянул Никита, – подожгла и подбросила телефон? Не верится что-то. Но я уточню.

Тут Макс вспомнил реакцию на эту версию бабы Шуры, и где-то в глубине его души заскребся маленький червячок сомнения: а правильно ли он сделал, поделившись с Никитой своей версией? Как-то он совсем выпустил из виду этот злополучный телефон. Действительно, зачем Людмиле Андреевне подставлять племянницу? И все-таки, несмотря ни на что, возможность совершить преступление у нее была. Или нет? Надо все-таки почитать про эту операцию, уточнить, как скоро после нее можно носить двадцатилитровые канистры. Может, там было не двадцать литров, а, к примеру, де-

сять. Или даже пять...

– А кто еще знал об этих миллионах? – спросил Макс.

– В том-то и дело, что никто. Само собой, братья Коноваловы, Леонтьев, нотариус, который засвидетельствовал сделку...

– А Виктория? Жена Коновалова?

– Ты, я вижу, в теме, – усмехнулся Никита. – О продаже она знала, а где находятся деньги – нет. Кстати, у троих Коноваловых и Леонтьева стопроцентное алиби – отмечали сделку в ресторане в Рослани. Вернулись на такси, когда все уже полыхало. Таксист подтвердил.

– А нотариус? Как его фамилия? – спросил Макс, сам не зная зачем, но какая-то неявная мысль на периферии сознания подсказывала, что эта информация может оказаться важной.

– Зачем это тебе? – пожал плечами Прохоров. – Нотариус и нотариус. Не думаешь же ты, что он устроил пожар?

– И все-таки?

– Савельев.

– У него, небось, и секретарша имеется...

– Небось. Фамилию не спрашивай, честно говорю – не знаю.

– И уборщица... – продолжал Макс.

– Ладно, заболтался я с тобой, а дела не ждут. – Никита потрусил баночку с жуками. – Сейчас в район поеду. Должны уже прийти результаты пожаротехнической экспертизы. Да

и пальчики с канистры должны были пробить по базе.

Участковый побрел к зарослям картофельной ботвы, а Макс поспешил за информацией к более разговорчивому собеседнику – интернету. Оказалось, операция, которую делали Леночкиной тете, очень щадящая, без большого разреза, и обычно, если нет каких-то осложнений, больше недели в больнице не держат. Почему же Людмила Александровна так задержалась в палате? Не связано ли это с событиями в Сёмёново?

Разыскав номер больницы, Макс поинтересовался состоянием больной Егоровой.

– Нормальное состояние, – ответил ему недоброжелательный женский голос.

– А когда она планируется на выписку?

– Это вам надо обратиться к лечащему врачу. Завтра с двенадцати до двух, – и женщина с недоброжелательным голосом с размаху бросила трубку. Может, конечно, она и не бросила, а, наоборот, аккуратно положила, но Макс явно услышал хлопок. Он обернулся и замер – в дверях в потоках яркого света стояла Леночка.

– Привет! Тебя отпустили? – Он радостно бросился к девушке, но та выставила руку в предупреждающем жесте.

– Стой где стоишь!

– Да что случилось-то?

– Где мой рюкзак?

– Он там, в гамаке. Лена!

– Зачем ты сказал участковому, что это моя тетья взяла деньги и подожгла магазин?

– Да нет же, это только гипотеза! Я подумал...

– Подумал? Что ты подумал? Я ведь знаю, что ты уходил в ту ночь. Только я, в отличие от тебя, никому ничего не сказала. – Леночкины глаза блеснули злыми слезами. – Я думала, ты... ты... А ты просто дачник!

Хлопнула дверь, отзвучали торопливые шаги, Макс остался один.

– Ма-а-а! – Нет, не один. Есть еще друг, который не бросит его из-за какого-то недоразумения.

Получается, Леночка считает, что это он украл чертовы миллионы! И значит, у него нет другого выхода, как найти настоящего поджигателя. Причем срочно, не дожидаясь санкций со стороны горячо уважаемого начальства.

Вот только как это сделать? Пока у него в наличии несколько версий – слабых, беспомощных, но за неимением других и эти сгодятся.

Ноутбук пискнул, оповещая о полученном сообщении. Макс метнулся к столу. Игорь, то самое недавно помянутое начальство, требовал срочно заапдейтить конфиг. Пришлось отодвинуть в сторону расследование и впрячься в работу. К величайшему удивлению Макса, процесс этот занял у него в разы меньше времени, чем обычно. Прямо вдохновение какое-то нашло, хотя до этого он считал, что вдохновение – это только у писателей или художников каких-нибудь. Но, похо-

же, в условиях жесткого цейтнота мозг функционирует по-другому, гораздо эффективнее. Даже магический триггер в виде кофе не понадобился. Надо будет непременно воспользоваться этим лайфхаком.

Вдохновение повлияло не только на рабочие мысли, но и на все прочие процессы в голове Макса. Закрыв ноутбук, он обратил мысленный взор на версии, которые хотел отработать, и вдруг понял, что они совершенно никуда не годятся. Просто хлам какой-то, а не версии. Чтобы попытаться вычислить поджигателя, он должен узнать как можно больше об основных фигурантах дела – семействе Коноваловых. Напрямик соваться к ним с расспросами не стоит: это не охранник в больнице, и одним посылом в известном направлении дело не ограничится, вполне может и до рукоприкладства прийти. Следовательно, стоит попробовать обратиться к более доступному источнику информации – бабе Шуре. Есть еще, конечно, альтернативный вариант – тетя Вера, бабушка-теща участкового.

– Как думаешь, нормальный вариант? – спросил Макс у Тима.

– Ма-а-а-у, – отозвался кот, в его голосе и умных глазах присутствовало явное одобрение.

К бабе Шуре Макс отправился пешком. Фразу о городе контрастов из старинного советского фильма вполне можно было применить к Сёмёново. Городом оно, разумеется, не было, но контрастов в наличии имелось предостаточно.

Наполовину вросшие в землю бревенчатые одноэтажные домики с резными ставнями мирно соседствовали с замками, прятавшимися за высокими заборами, отличная центральная дорога, стоило лишь свернуть с нее, превращалась в грунтовку, которая осенью, зимой и весной грозила нанести средству передвижения тяжелые увечья. А люди? Та же баба Шура с подвесным ротанговым креслом, Леночкина тетушка по имени Люси (с ударением на последнюю букву), и таинственная потеряшка Мария-Луиза. Интересно, кстати, посмотреть на эту особу.

Размышляя таким образом, Макс миновал кафе «Уют», где во времена его детства продавали очень вкусные пирожки с повидлом. Сейчас уютом здесь вовсе не пахло, да и вообще ничем – по причине заброшенности заведения. На дверях кафе висел амбарный замок, а стекло в одном из окон заменяла табличка с надписью: «Место остановки последнего вагона». Еще сотня метров, и в воздухе отчетливо запахло гарью – приближался злополучный «Продукт», вернее, то, что от него осталось. А осталось немало – изрядно закопченное крыльцо, обуглившаяся дверь, на которой ярко выделялась бумажная ленточка с печатью, черные стены и окна с осколками стекол. Даже крыша не обвалилась.

Сам не зная, зачем, Макс подошел поближе. Наверное, этими действиями руководило то самое вдохновение, посетившее его недавно. Поковыряв пальцем ленточку на двери, Макс подошел к окну, огляделся по сторонам, поднял с

крыльца неизвестно откуда взявшийся кусок арматурины и разбил остатки стекла. Он снова огляделся – никого – и нырнул в окно.

Весь пол был усыпан осколками, обугленными досками, закопченными консервными банками. Впрочем, последних было немного. Похоже, мало-мальски уцелевшие продукты рачительный хозяин из сгоревшего магазина вывез. Несмотря на яркий солнечный день, в помещении царил полумрак. Глядя под ноги, Макс направился к проходу в подсобку. Он сделал несколько шагов и остановился от неясного чувства опасности. Ему показалось, что в помещении «Продукта» кто-то есть. Но кто? Кому еще, кроме него, охота бродить по мусорке, рискуя в лучшем случае испортить обувь, а в худшем...

Ощущение чьего-то постороннего присутствия рядом усилилось. Макс прямо-таки ощущал чужое дыхание, причем оно было каким-то недоброжелательным. Где-то он читал, что преступник всегда возвращается на место преступления. Тогда ему это показалось бредом, каким-то штампом. Соверши он что-либо противозаконное, непременно обходил бы это место третьей дорогой. Даже смешно представить грабителя, обнесшего квартиру и вернувшегося туда. Где логика? Полная иррациональность.

В этот момент громкий хруст стекла под чьей-то подошвой оборвал цепь рассуждений Макса, и в следующее мгновение из подсобки навстречу ему вышел мужчина. Сначала

Максу показалось, что это какой-то маргинал – заляпанная камуфляжная куртка с выдраным карманом, помятое лицо с недельной щетиной без признаков мало-мальски благородного вида. Со второго взгляда в глаза бросились пуговицы на куртке – не абы какие, а дизайнерские, известного бренда, и руки, если и знакомые с физическим трудом, то лишь понаслышке. К тому же мужчина смутно кого-то напоминал.

– Какого хрена ты здесь шляешься?

Вообще-то, он выразился более экспрессивно: если снять происходящее на видео и выложить в интернет, пришлось бы всю фразу запикать.

– А вы? – спросил Макс. Может быть, это прозвучало излишне дерзко, но незнакомец ответил в той же выразительной манере:

– Я отчитываться не обязан. Это мой магазин.

Тут у Макса в голове все сложилось – это же Илья Коновалов, братец Николая. Бандит, сидевший по малолетке в колонии.

– Я помогаю следствию, – пояснил он. – Ищу улики.

– И какие это улики?

Тут бы Макс заткнуться и убраться восвояси как можно скорее, но недавно свалившееся на него вдохновение не позволяло это сделать.

– Улики, которые мог оставить преступник, – с вызовом ответил он и, покосившись на куртку Коновалова, добавил: – Обрывки ткани, например пуговицы...

Тут Макс в голову пришла совсем уже гениальная мысль, и он, нет чтобы промолчать, тут же ее озвучил:

– Восемь миллионов гораздо приятнее, чем четыре...

А потом он совершил совсем уж вопиющую глупость – повернулся к врагу спиной и пошел к выходу, на ходу обдумывая пути отступления. Вообще-то, существуют два способа спастись от хищников – убежать или замереть, притворившись мертвым. Подобный способ описан в басне Льва Толстого «Два товарища». Надо упасть и сделать вид, что умер... Опробовать метод великого писателя Макс не успел – что-то тяжелое обрушилось ему на голову.

Очнувшись, он не сразу понял, где находится. Вокруг было совершенно темно, руки натыкались на что-то твердое, крошащееся под пальцами. В каком направлении двигаться – непонятно. Ясно только одно – двигаться нужно непременно. И он двигался. Извивался всем телом, пробовал ползти, натыкался на преграду, пытался оттолкнуть ее от себя, понимал, что это бесполезно, и начинал проделывать все то же самое, но в другом направлении. Наконец Максуду удалось оттолкнуть от себя что-то тяжелое, и одна рука вырвалась на свободу. За ней вторая...

Вокруг по-прежнему было абсолютно темно. На какое-то мгновенье Макс решил, что ослеп, и страшно испугался. Как, спрашивается, он будет жить без компьютера? Потом вспомнил, что существуют специальные программы, которые обеспечивают доступ к большинству функций без зри-

тельного контроля пользователя. Значит, не все потеряно. Можно воспользоваться предложением Леночкиной тети – жениться... Зато слепому можно никуда не ехать – лежи себе в гамаке под яблоней и представляй, что ты где-то на островах. Через месяц настанет лето, будет в наличии и тепло, и свет, и гармония, и любовь... И яблоки к тому времени поспеют – протяни руку и рви. А бабушкины яблоки ничуть не хуже райских фруктов. Хотя стоп! Леночка же обиделась... Да и на что ей слепой муж?

Макс пощупал глаза. Вроде на месте, только почему-то не открываются. Он потер их, приподнял пальцами одно веко и с облегчением вздохнул: зрение вернулось. Он лежал у стены рядом с кучей досок и прочего мусора. Очевидно, Коновалов решил, что убил его, и замаскировал труп, планируя ночью избавиться от него. Доставлять преступнику такое удовольствие Макс не собирался и попытался подняться. Мир медленно завращался, словно Млечный Путь вокруг черной дыры, к горлу подступила тошнота. И тогда Макс пополз к выходу, не разбирая дороги, прямо по стеклам и покореженным банкам. Осколки впивались в руки, но боли он не чувствовал. Ткнулся в дверь – закрыто. Он подполз к окну, через которое проник в магазин, кое-как взобрался на подоконник и кулем вывалился наружу. Тут силы оставили его вместе с сознанием.

Где-то надрывно завывала «Скорая».

«К кому это?» – шевельнулась в мозгу мысль, и почему-то

очень захотелось посмотреть. Глаза по-прежнему не хотели открываться, и Макс помог им уже испытанным образом – приподнял веко пальцем.

– Живой! – радостно заорал чей-то голос, мгновенно опознанный Максом как бабин Шурин. – Живой! Ты, Максимушка, не шевелись. Вот уже доктор бежит. Сейчас он тебя вылечит.

Доктор – парень, наверное, одноклассник Макса, ну, может быть, на год старше, – деловито ощупал его ноги-руки, заставил пошевелить пальцами, посветил фонариком в оба глаза, постучал молоточкам по коленкам.

– Что с ним, доктор? – спросила баба Шура.

– Ничего страшного. Кости целы. Порезы, ссадины. Похоже на легкое сотрясение. Отвезем в больницу, там точнее скажут.

– Нельзя мне в больницу! – как можно тверже произнес Макс. Получилось малость невнятно, но доктор понял.

– Это еще почему?

– Кот у меня. Умный очень. Тим. Как сэр Тим Бернерс-Ли. Основатель НТТР. Знаете такого? Его сама английская королева в рыцари посвятила.

– Бредит? – раздался голос участкового Никиты Прохорова.

Макс закатил глаза, чтобы увидеть его, и заявил:

– Это Илья Коновалов магазин поджег и деньги забрал.

– Знаю я, знаю, – кивнул Никита. – Это его отпечатки бы-

ли на канистре. Как только эксперты дали заключение, Егорову сразу отпустили, а Коновалова объявили в розыск.

– Вот черт. – Макс попытался привстать, опершись руками, и застонал от резкой боли в ладонях.

– Забирайте его, – сказал Никита врачу.

– В больницу не поеду! – возразил Макс. – Я в порядке.

Что хотите подпишу, но не поеду.

– Ну как? – спросил врач у Никиты.

– Пусть остается. Я за ним присмотрю по-соседски. Будет чудить – сам отвезу в больницу.

– Хорошо, – согласился доктор.

Он обработал и перебинтовал раны на руках Макса, вколол под лопатку лекарство и укатил.

– Пошли, что ли, сосед, домой? – Никита помог ему подняться. – И какого лешего тебя понесло в магазин?

– Преступник всегда возвращается на место преступления, – авторитетно заявил Макс.

Участковый хмыкнул:

– Ну разве что во время следственного эксперимента.

– Так вернулся же!

Дома Макс перво-наперво проверил ноутбук на предмет сообщений от Игоря. К его счастью, таковых не случилось, а то писать ответ перебинтованными руками было бы крайне проблематично. Конечно, можно попробовать поработать с помощью подручных средств. Максу как-то довелось увидеть, как кассирша Агния, обладательница трехсантиметрово-

вых ногтей, тыкала в калькулятор двумя карандашами. Видел он также, как при виде этого мученически скривилось лицо менеджера проекта. Правда, непонятно из-за чего: то ли из-за такого отношения к общественному имуществу, то ли от видения, как эти самые ногти... Короче, сплошной ужас, и лучше его не повторять. Макс вышел во двор и улегся в гамак. Тут же пришел Тим, пристроился у него на животе, уложив голову и хвост на израненные конечности. По рукам пошло приятное тепло, и Макс благополучно заснул без сновидений.

Где-то через час сон его был прерван приходом Прохорова.

– Привет! – сказал он и помахал перед носом Макса пакетом с добрым десятком контейнеров. – Я тут тебе еды принес, баба Вера приготовила. А это и есть твой знаменитый кот?

При этих словах Тим соскочил с гамака и быстрым шагом направился в дом.

– Мой, – кивнул Макс, несколько озадаченный неприветливым поведением кота – к Леночке он отнесся в разы дружелюбнее. Хотя чего тут странного – Максу Леночка тоже больше понравилась, чем сельский участковый.

– Точно твой? – спросил Никита, водружая на стол пакет с едой.

Макс счел вопрос риторическим и отвечать не стал. Гораздо больше его интересовало следствие по делу о поджоге

и пропаже восьми миллионов.

– Поймали Коновалова? – спросил он, открывая один из лотков.

– Поймаем, куда он денется. – Никита пожал плечами.

– Может, кофе? – предложил Макс. Участковый не отказался.

Утром Макс проснулся поздно и чуть не опоздал отметить свое присутствие в рабочем журнале. Тим, поев сочного ягненка, тщательно умывался, развалившись на столе. Когда-то у бабушки тоже был кот, и она всегда говорила, что такое старательное умывание явно к гостям. Максиму было не до гостей. Ну, разве что Прохоров забежит с новостями или вдруг Леночка... Нет, Леночка точно не придет...

Макс энергично помотал головой, прогоняя упаднические мысли, и принялся за работу. Дело шло ни шатко ни валко. Вчерашнее вдохновение приходиться не торопилось, но Макс не сетовал: это вещь редкая.

Около одиннадцати хлопнула калитка. Макс выглянул в окно и увидел шагающего к дому Прохорова. «Не иначе как поймали Коновалова», – возрадовался он. Но, как оказалось, рано.

Стоило участковому появиться в дверях, как Тим тут же исчез. Вроде только что был тут – и уже нету. Мистика!

– Приветствую! – произнес Никита.

Женский голос за его спиной эхом отозвался:

– Здравствуйте! – И следом в комнату вошла женщина. Несчастливая, бледная, просто моль какая-то.

Последовала немая сцена, в продолжение которой ее глаза, не останавливаясь, рыскали по комнате. Затем она вдруг упала на колени, чем привела Макса в крайнее смятение, легла плашмя на пол, подползла по-пластунски к дивану и с воплем: «Мария-Луиза!» стала протискиваться под него. Диван был явно низковат для подобных экспериментов, но ненормальную (а посетительница явно была ненормальной) это не остановило.

– Что происходит? – спросил Макс у Прохорова.

Ответить тот не успел. Женщина отползла от дивана, держа в руках извивающегося и пытающегося вырваться Тима. Незнакомка уже не была похожа на бледную моль – глаза ее блестели, щеки горели, словно бракованный железнодорожный семафор, в котором две красных лампочки и ни одной зеленой. Макс хотел броситься к ней, отнять кота и выставить за дверь, но отсутствие зеленого сигнала связывало его по рукам и ногам.

– Мария-Луиза! – женщина сидела на полу и предпринимала отчаянные попытки поцеловать Тима в усы.

«Фу ты, какая пошлость», – подумал Макс, а вслух сказал:

– Послушайте, какая Мария-Луиза? Это Тим!

– Моя кошечка! Я ее уже три дня разыскиваю. В полицию подавала заявление, но они только посмеялись надо мной. Мария-Луиза! Родная!

– Да какая же кошечка? Это кот! Мужчина! Посмотрите, какие глаза умные! Разве у женщин бывают такие?

– Вы мужчин и женщин только по глазам отличаете? – ехидно спросила женщина и ухитрилась-таки чмокнуть Тима в нос.

– Ну не только, – смутился Макс.

– Короче, это моя кошка, – жестким тоном заявила женщина. – У меня есть на нее все документы, фотографии. Я думаю, вы не будете чинить препятствия, чтобы я забрала ее домой? В противном случае мне придется обратиться к представителям закона. Моя Мария-Луиза – барышня в кругах фелинологов известная, любой суд будет на моей стороне! Кстати, стоит она довольно дорого – двадцать пять тысяч рублей. Вам может быть инкриминирована кража в особо крупном размере.

– Какой суд? Какая кража? Какой крупный размер? – Макс понимал только одно: эта противная тетка сейчас заберет его Тима, и он абсолютно ничего не сможет поделать.

Самое ужасное Макс увидел, выйдя вслед за непрошеными гостями на крыльцо. Это была розовая пластиковая клетка, как для птиц, только более закрытая. Злющая тетка сунула в нее Тима, щелкнули замки. Сквозь прутья клетки на Макса смотрели умные глаза Тима, и он, в последний раз плакавший на похоронах деда, не смог сдержать слез.

Макс сидел, тупо уставившись в монитор. Ничего не хоте-

лось – ни листать странички соцсетей, ни смеяться над проделками котиков, ни есть, ни пить кофе.

Зазвонил телефон, и Макс понял, что за окном уже совсем темно. Номер был незнакомый, и он решил не отвечать, но в последний момент передумал.

– Слушаю, – ответил он и сам удивился, как болезненно звучит его голос.

– Максим! Я только сейчас узнала! – Это была Леночка.

– Что? – рассеянно спросил он.

– Что Коновалов на тебя напал! Баба Шура сказала, что у тебя сотрясение мозга! Руки все изранены, и работать ты не можешь!

– Не могу, – машинально подтвердил Макс.

– Мне тетя дала твой номер телефона. Сказала, что ты очень хороший. Макс, я сейчас на работу устроилась в больницу, где тетя лежит. Тут хорошо. Платят немного, но регулярно, кормят, еще, говорят, родственники больных приплачивают. У меня сегодня ночная смена, а завтра можно я к тебе приду? Кушать вам с Тимом приготовлю.

Вспоминание о Тиме резануло по больному месту, и Макс невольно застонал.

– Тебе больно? – всполошилась Леночка.

– Нет, извини, – очнулся он. – Приходи, конечно. А хочешь, я за тобой приеду к больнице?

– Нет, что ты! У тебя же сотрясение!

Макс попытался настаивать, но Леночка была непреклон-

на.

– В следующий раз, – сказала она, и от этого обещания на душе у него стало немного светлее.

Но тут в саду снова хлопнула калитка, и ему захотелось, как совсем недавно Тиму, спрятаться под диван.

– Зашел по-соседски тебя проверить. – Это был Никита. – Выглядишь не очень.

– Поймали Коновалова? – не стал поддерживать пустопорожнюю болтовню Макс.

– А то! – усмехнулся тот. – Задержали на железнодорожной станции в Вишняковке. При себе имел восемь миллионов без трех с половиной тысяч. Не захотел с братом делиться.

– И что ему теперь будет? Это же особо крупный размер?

– Магазин, оказывается, оформлен на него. Так что имел полное право спалить, благо при пожаре никто не пострадал.

– А деньги? Четыре миллиона брата?

– Так целы же. Да и дело это семейное. Если Николай не подаст заявление в полицию, то никакого дела не будет. Разве что за нанесение вреда средней степени тяжести твоему здоровью. Будешь подавать?

– Не буду, – покачал головой Макс. – И все-таки непонятно: кот за двадцать пять тысяч – особо крупный размер и суд, а тут четыре миллиона, магазин сгоревший – и ничего.

– Да Фирсова, хозяйка кошки, на понт тебя взяла. Особо крупный размер – это свыше миллиона, а кошка стоимостью

двадцать пять тысяч – это значительный ущерб. Но в данном случае нужно еще доказать умысел.

– Умысел? – уточнил Макс.

– Ну да, – хохотнул Никита. – Почти как в кино – невиноватый я, она сама пришла!

Довольный собой участковый ушел, а Макс попытался поработать хоть немного. Если завтра утром приедет Леночка...

Собрав всю волю в кулак, Макс смог заставить себя отложить мысли о девушке и приступить к работе. Однако хватило его ненадолго. Наткнувшись на очередной баг в программе, он решил прекратить бороться с ветряными мельницами в виде собственной прокрастинации и отправиться спать.

Но с ходу уснуть не удалось. Мешали воспоминания о теплом боке Тима, умных глазах на честном лице.

Устав от попыток заснуть, Макс стал сверлить взглядом дыру в потолке. После трехсотого оборота сверла показалось, что он явственно слышит посторонний шум, как будто кто-то допотопным коловоротом пробивался ему навстречу. Вот только звук шел не с потолка, а от двери.

Макса подбросило на диване. Через мгновение он уже открывал дверь навстречу таинственному зову. На пороге стоял... Тим? Мария-Луиза? Какая разница! Главное – Макс любил это глазасто-головастое существо. Он схватил вновь обретенного товарища и почувствовал, как в голове оформилось решение бага, о который он споткнулся вечером. А

еще понял, что ему, подобно вчерашней ненормальной гостье, очень хочется расцеловать утыканные усами щеки. Что он и сделал.

Евгения Михайлова

Блогерша

Зина поставила на пол третью пустую бутылку из-под пива, живописно разложила прямо на деревянном столе большую жирную селедку, буханку черного хлеба, порванную руками на куски, кусок сала и огромную луковицу. Подумала и смачно отгрызла от луковицы большой кусок. Какая жалость, что через монитор не распространяются запахи. Зина поставила на стол три не начатые бутылки с пивом. Разложила куски старой газеты, как салфетки. Затем налила большую пивную кружку до краев, пригубила, сознательно оставив кромку пены над верхней губой, – и начала делать селфи.

Она мастер деталей. При обработке фотографий Зина не скроет, а усугубит говорящие подробности: красные щеки с сеткой капилляров, капли пота на носу, рот в жирном блеске с прилипшей рыбной косточкой на нижней губе. В творческом экстазе Зина развивала психологический колорит собственного портрета. Высыпала на стол горку семечек, поплевала шелухи, оставила несколько чешуек на подбородке.

Она умудрялась пить, есть, управляться с палкой для селфи, краем глаза видеть общий план в зеркале. Для главного эффекта Зина пролила пиво на свою большую, расплывшуюся грудь без лифчика под синим платьем, а затем достала

из корзинки на террасе самый крупный помидор, установила его себе на голову, это как нельзя лучше привлекало внимание к волосам цвета пронзительный блонд с откровенно темными корнями. К этой прелестной композиции требовалось особое выражение лица, и Зина изобразила нетрезво-блудливую улыбку и утопила свои небольшие и очень пронзительные по жизни глаза в мокрых складках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.